

чения, которые определяет уголовно-исполнительная инспекция в зависимости от поведения осужденных.

Цивилизованному обществу безразлична судьба каждого человека. И если кто-либо нарушил уголовно-правовые нормы, вступил в конфликт с законом, оно делает все возможное, чтобы вернуть оступившегося к полезной для общества деятельности, что предполагает честную трудовую жизнь.

Выполнять эту социальную задачу государственной важности и призваны исправительные учреждения ФСИН России. Согласно положениям Конституции Российской Федерации, законодательство в области исполнения уголовных наказаний стало называться не исправительно-трудовым, а уголовно-исполнительным. Это обусловлено прежде всего сменой политики в данной сфере государственной деятельности, акцентом на профилактику преступлений и социальную реабилитацию.

Одной из важных задач пенитенциарной политики должно быть уменьшение вреда, наносимого изоляцией, – пора задуматься о путях экономии кары. Следует сделать акцент на том, чтобы воспитание в значительной мере осуществлялось посредством общеобразовательного и профессионального обучения, правовой информированности, самообразования, усвоения социальной и моральной нормативности непосредственно в исправительных учреждениях ФСИН России с широким привлечением общественности.

УДК 316.443

Примечания

1. «Положение об отряде осужденных исправительного учреждения» утверждено приказом МЮ РФ от 06. 06. 2006 г. №206 с изменениями, внесенными приказом МЮ РФ от 30.12.2005 г. № 259. Заметим, что гулаговской и гуиновской системам наказаний подобные задачи и терминология известны не были. В этих системах все было подчинено выполнению государственного плана по производству утвержденной номенклатуры изделий. Нарушения режима, законности, допущенные преступления прощались, невыполнение плана – никогда. За срыв плана могли снять начальника с должности.

2. В ред. Федеральных законов от 08.12. 2003 № 161-ФЗ; от 09.05.2005 № 46-ФЗ.

3. В соответствии со ст. 115 УИК РФ. в ред. Федерального закона от 09.03.2001 № 25-ФЗ; от 01.04.2005 № 28-ФЗ.

Кашина Людмила Александровна, ст. преподаватель кафедры юридических дисциплин института экономики Иркутского государственного технического университета.

Kashina Lyudmila Aleksandrovna, senior teacher of department of legal disciplines of Institute of economy of Irkutsk State Technical University.

Тел. 8-964-356-3058, sps4@mail.ru

Лелюх Владимир Федорович, д-р социол. наук, проф. кафедры государственного и административного права Кемеровского государственного университета.

Lelyukh Vladimir Fedorovich, doctor of sociological sciences, professor of department of State and Administrative Law of Kemerovo State University.

Тел. 8-903-071-6775

П.Л. Кузнецов

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ЧИНОВНИЧЕСТВО» В ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (1984–2008 годы)*

* Статья написана по материалам проекта «Социальное изменение как трансформация символических форм», поддержанного АВЦП Рособразования «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)». Грант № 2.1.3./1260.

В статье рассматривается трансформация символического статуса советского, а затем российского чиновничества. Автор использует в своей работе контент-анализ, по результатам которого раскрывается проблематика несоответствия реального и символического статуса отечественной бюрократии.

Ключевые слова: чиновники, социальная трансформация, символический статус.

P.L. Kuznetsov

TRANSFORMATION OF SYMBOLICAL VALUE OF THE CATEGORY "OFFICIALS" IN A PUBLIC DISCOURSE (1984–2008)

The article deals with the transformation of symbolical status of Soviet, and then of the Russian officials. The author uses content-analysis, it results reveals the problems of discrepancy of real and symbolical status of domestic bureaucracy.

Key words: officials, social transformation, symbolical status.

Чиновничество в современной России, как известно, играет далеко не последнюю роль. Бюрократы обладают реальной властью – от них зависит решение тех или иных вопросов. В то же время отношение к отечественному чиновничеству со стороны общества в нашей стране неоднозначное и, скорее, неодобрительное. Опреде-

лить трансформацию символа «чиновники» в общественном дискурсе и является целью данной статьи, для ее достижения мы использовали методологию транссимволического анализа¹.

Исследование периода с 1984 по 2008 г. продиктовано началом перестройки в апреле 1985 г., определившей предыдущий год в качестве референт-

ной точки, а также тем, что на сегодня постсоциалистическая трансформация в России не является завершённой, и нам остается только зафиксировать промежуточные ее итоги, ограничившись последним прошедшим на настоящее время годом – 2008. Временной горизонт таким образом охватывает 25 лет.

В качестве источниковой базы членами исследовательского коллектива была выбрана газета «Аргументы и факты» по следующим причинам:

1) «АиФ» имеет самый большой тираж среди российских газет, а, следовательно, максимально взаимодействует с обществом;

2) «АиФ» издается с 1978 г., что позволило нам охватить необходимый временной горизонт с 1984 по 2008 г.;

3) первоначально (до перестройки) газета являлась листком агитатора и в целом отражала настроения в советском обществе, поскольку явных противников социализма к началу 1980-х гг. в СССР почти не осталось, а латентные антисоветчики не оказывали сколько-нибудь значимого влияния, ограничиваясь «кухонными разговорами» (иными словами, на баррикады до конца 1980-х гг. никто не шел, КПСС была легитимной);

4) в ходе перестройки «АиФ» довольно быстро включилась в обсуждение общественно-значимых проблем того времени (гласность, кооперативное движение, Афганская война и т.д.). Не надо объяснять, что благодаря этому взаимодействие газеты и общества стало только теснее;

5) позднее тенденции сближения газеты с российским социумом продолжились, что стало основной причиной популярности газеты и роста ее тиражей. Разумеется, не идеализируя данное взаимодействие, стоит отметить, что его результатом становится отражение общества в «АиФ» (и наоборот).

Таким образом, было проанализировано около 1290 выпусков газеты².

Теперь перейдем к рассмотрению символического содержания категории «чиновники» в 1984 г. Примечательны два момента:

- в 1984 г. зафиксирована минимальная за весь период анализа³ частота упоминания исследуемой категории, что подтверждает тезис об известной символической дискриминации чиновничества, ведь в советское время пропагандировались и превозносились совершенно иные слои общества: рабочий класс, военные, учителя и т.д.;

- в 1984 г. зафиксирована самая высокая оценка, данная авторами статей советскому чиновничеству – стопроцентное положительное отношение к данной категории. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что бюрократия не выделялась из общей массы интеллигенции, которая оценивалась только положительно.

Символическая триада 1984 г. предсказуема: бюрократы характеризуются такими словами, как «коммунист», «лучшие», «работают».

В последовавшей трансформации исследуемой

категории можно выделить три этапа:

1. 1985–1991 гг. – освещение истинной сущности советской бюрократии.

2. 1992–1999 гг. – становление и развитие чиновничества новой России.

3. 2000–2008 гг. – бюрократия «путинского» периода.

На первом этапе благодаря гласности появляются статьи, объективно освещающие особенности социального положения советского чиновничества. Отмечается, что чиновники в СССР – это привилегированные и всесильные люди, сильные «мира сего», а не «слуги народа», как это подавалось ранее. Причем постепенно открывается, что они злоупотребляют своим положением, обществу становится ясной суть советского бюрократического аппарата как «социального паразита» [6, с. 70-71].

Разумеется, в такой ситуации отношение к чиновникам ухудшается с самого начала перестройки. Исключение составляет лишь 1989 г., статьи в этом году посвящены талантливым чиновникам прошлого, репрессированным в 1930-е гг. Таким образом, выясняется, что раньше в чиновничьих кругах велась смертельная борьба за власть. Но если талантливые чиновники сгинули в лагерях еще при И.В. Сталине, то кто же остался в итоге и воспроизводился позднее? Получается, что далеко не лучшие представители чиновничества. В результате советский бюрократический аппарат, а через него и КПСС были дискредитированы в ходе перестройки. На наш взгляд, это стало одной из основных причин неудачи перестройки и гибели СССР, поскольку ключевой вопрос в любой крупномасштабной реформе (коей, как известно, и являлась перестройка) – это проблема взаимодействия между государством и обществом. Без решения этой проблемы реформа обречена на неудачу. Дискредитировав же себя через опубликование в подконтрольной газете компромата на КПСС, советское руководство потеряло способность управлять и стремительно теряло поддержку населения.

На втором этапе бюрократия предстает перед нами в качестве привилегированной и коррумпированной институциональной группы [2, с. 7]. Чиновники не работают, а злоупотребляют своим служебным положением в личных целях. Таким образом, в 1990-е гг. складывается новая модель взаимодействия общества и чиновничества в нашей стране: чиновник – лицо беспартийное, имеет периодически увеличивающиеся льготы, он может поспособствовать тем или иным группам (бизнесменам, например) в решении их проблем за «скромное» денежное вознаграждение.

Лишь в 1992 г. чиновники характеризуются как «лишенные». Депривация, разумеется, связана с наиболее драматичным годом трансформации – 1992, когда произошло массовое обнищание населения, в том числе и большинства чиновников. Однако чиновничество очень быстро приспособилось,

используя, с одной стороны, ослабление вертикали власти, а с другой – увеличение полномочий (связанных прежде всего с переходом страны на рыночную экономику), то есть злоупотребляя общественными ресурсами.

Помимо этого в качестве когнитивных символов широко использовались слова «начальство» и «бюрократы». Первый символ свидетельствует о более высоком, чем у большинства населения, социальном статусе бюрократии, обеспеченном, в первую очередь, символической властью⁴ над обществом. Второй же символ – «бюрократы» – свидетельствует о низкой эффективности чиновников, как правило, не заинтересованных в результате своей работы без дополнительных стимулов.

Частота упоминания чиновников на втором этапе трансформации выше, чем на первом, но ненамного. Увеличение объясняется все большим отчуждением бюрократии новой России от остального населения: чиновники теперь даже не притворяются «слугами народа», но еще и не становятся слугами государства, чем объясняется преобладание негативного отношения к ним.

На третьем этапе в целом продолжились прежние тенденции.

Во-первых, резко увеличилась частота упоминания категории «чиновники», достигнув в 2008 г. своего максимума за 25 лет. Это связано с широким распространением (по сравнению с прежними годами) уголовных дел, заведенных на чиновников различного ранга, но в основном, в регионах. Так, например, в 2008 г. в Кемеровской области было зарегистрировано 130 случаев коррупции [5].

Во-вторых, еще большее распространение получают термины, символизирующие продажность бюрократии (все годы третьего этапа, за исключением 2000 г.), что также связано с многочисленными коррупционными скандалами. Вообще подобные скандалы играют роль «общественной порки» «мальчиков для битья», поскольку коррупция в современной России вряд ли непобедима (хотя ее и можно немного усмирить), так как «для борьбы с коррупцией необходимы свобода СМИ и уменьшение государственного присутствия в экономике» [4, с. 18], что идет в разрез с проводимой политической элитой политикой.

В-третьих, в 2000 г. обнаружен непривычный, но показательный Д-символ «нервничают». Это обусловлено сменой элит, связанной с приходом в Кремль В.В. Путина. Высшие бюрократы боялись, что их сменят новые чиновники «путинского призыва».

В-четвертых, широко распространен символ «привилегированные». Привилегии не только сохраняются, но и приумножаются. В 2004 г. вышел Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» № 79-ФЗ, который выделил чиновников из общей массы «государевых людей» – военных, врачей и прочих бюджетников.

В-пятых, получил распространение символ «высокопоставленные», говорящий нам об увеличении роли верхушки бюрократии в управлении страной, что является следствием укрепления вертикали власти.

В-шестых, появляются такие Д-символы, как «воруют», «врут», «зазнались», «жиреют», «не хотят работать», которые сообщают нам о растущей пропасти между чиновниками и населением. Чиновники возомнили себя «белой костью», население же не приемлет и осуждает их действия, однако до массовых выступлений против бюрократии еще далеко.

В-седьмых, сохраняется довольно негативное отношение к чиновникам при полном отсутствии одобрения их действий (про чиновников пишут либо с отрицательным, либо с нейтральным отношением).

В итоге, на 2009 г. мы имеем следующую ситуацию:

1. Как известно, государство в какой-то мере также является предприятием, работники которого – как правило, граждане страны. В конторе этого предприятия работают чиновники, и не секрет, что численность бюрократического аппарата за годы реформ выросла в нашей стране в разы. Еще М. Вебер предостерегал от этого и ставил вопрос в отношении чиновничества: каким образом «можно дать какую-либо гарантию того, что имеются силы, которые ограничивают господство этой непрерывно растущей по своему значению прослойки и действительно ее контролируют?» [3, с. 145]. Этот вопрос актуален для современной России, ведь уровень контроля за деятельностью чиновника в нашей стране обратно пропорционален: а) его рангу; б) удаленности места его работы от начальства и контролирующих органов. Общественного контроля, как известно, практически нет.

2. В результате перехода от социализма к капитализму наша страна не обзавелась новым чиновничьим аппаратом [1, с. 41], и сегодня отечественная бюрократия – это смесь советских пережитков вкупе с новыми возможностями постсоциалистической России.

3. В современной России сформирована некая закрытая каста, недоступная рядовым *рабочим и колхозникам*.

Примечания

1. Подробнее о транссимволическом анализе см., напр., О.А. Кармадонов «Символ» в эмпирических исследованиях: опыт зарубежных социологов // Социологические исследования. – 2004. – №6.

2. Дело в том, что в последние годы два первых номера (№1 и 2) выходят одним выпуском.

3. Напомним, что горизонт ТСА составил 25 лет – с 1984 по 2008 г. включительно.

4. Символическая власть, поскольку бюрократы распределяли не свои собственные ресурсы, а, следовательно, их власть была зависима от их должности, а не от ресурсов, находящихся в собственности.

Литература

1. Атнашев Т. Элиты и бюрократии. Бюрократия как главный субъект и акционер РФ // Политический класс. – 2005. – №10.
2. Беленький В.Х. Стратификационная система общества: некоторые проблемы теории и общественного развития. – Красноярск; Сибирский федеральный ун-т, 2009. – 244 с.
3. Вебер М. Политические работы (1895-1919): пер. с нем. Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2003. – 424 с.
4. Гурьев С. Что известно о коррупции в России и можно ли с ней бороться? // Вопросы экономики. – 2007. – №1.
5. С поличным в Кузбассе взяли 130 взяточников // Комитет по борьбе с коррупцией. Межрегиональная общественная организация. URL: <http://www.com-cor.ru/node/855>

(дата доступа: 30.07.2009)

6. Тарасов А.Н. Бюрократия как социальный паразит // Свободная мысль. – 2007. – №2.

Кузнецов Петр Леонидович, аспирант, ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет», Институт социальных наук, кафедра регионоведения и социальной экономики.

Kusnetsov Peter Leonidovich, post-graduate of Department of Regional Studies and Social Economics, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University.

Тел.: 8 (3952) 200-137; факс: 8 (3952) 200-205, E-mail: k_p_l@mail.ru.

УДК 314.5

Я.А. Лещенко, А.В. Боева

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ПРОЦЕССОВ БРАЧНОСТИ И РАЗВОДИМОСТИ В ГОРОДЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ*

* Статья подготовлена в рамках проекта № 08-06-00111а, выполняемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

В статье представлены результаты анализа процессов брачности и разводимости населения крупного города Иркутской области. Материалы исследования свидетельствуют о продолжающемся кризисе института семьи.

Ключевые слова: браки, разводы.

Ya. A. Leschenko, A. V. Boyeva

FEATURES AND TENDENCIES OF MATRIMONY AND DIVORCEMENT PROCESSES IN THE TOWN OF EASTERN SIBERIA

The analysis results of the matrimony and divorce processes among the population of a big town of the Irkutsk Region are represented in this paper. The study materials testify the continued crisis of the family institutions.

Key words: matrimony, divorce.

В условиях российского демографического кризиса особую важность приобретает отношение граждан к браку и семейной жизни как социальным ценностям. Уровень, структура, тенденции брачности и разводимости в весьма большой степени определяют уровень рождаемости и, соответственно, динамические изменения численности и возрастной структуры населения. В последние десятилетия во многих странах мира устойчиво растет число разводов, которые почти повсеместно становятся важным компонентом моделей брачности [2].

В нашей стране показатели брачности и разводимости последней трети двадцатого столетия претерпевали существенные изменения, обусловленные демографическими отголосками Великой Отечественной войны, изменениями в законодательстве, а в 1990-е гг. – резкими переменами в социально-экономической жизни. Значительное падение уровня брачности наблюдалось в первой половине 1960-х гг., когда в брак вступали малочисленные поколения военных лет. Затем начался рост числа браков, продолжавшийся до 1977 г. С конца 1970-х и до середины 1990-х гг. интенсивность заключения брачных союзов снижалась (особенно быстро –

в 1989-1995 гг.), после чего уровень брачности оставался стабильным в течение 5 лет (1996-2000 гг.) [1,3].

Показатели брачности и разводимости оказывают сильное влияние на воспроизводство населения. В условиях идущего в стране процесса депопуляции особенно большое значение эти характеристики имеют для регионов Сибири и Дальнего Востока, на что указывает тот факт, что, если в России в период с 1993 по 2007 г. население в целом сократилось на 4,3%, то в Сибирском федеральном округе – на 7,8%, на Дальнем Востоке – на 20,6%.

Учитывая вышеизложенное, мы провели анализ особенностей изменения процессов брачности и разводимости населения Ангарска – крупного города Иркутской области в период с 1994 по 2008 г. Выполненные нами ранее исследования показали, что характеристики демографического поведения жителей г. Ангарска адекватно отражают основные закономерности демографических процессов, присущие городскому населению сибирских регионов.

Установлено, что общий коэффициент брачности (в расчете на 1000 населения) составлял в начале периода наблюдения (1994-1995 гг.) 6,6-6,4%